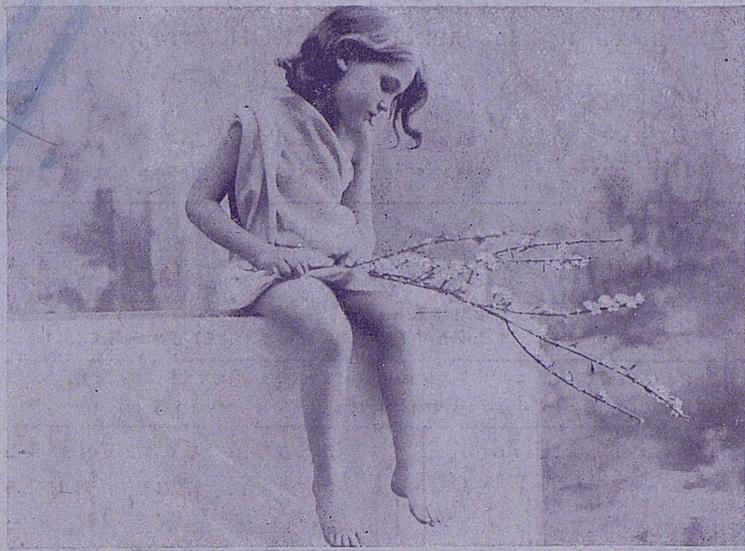

XX $\frac{28}{6}$

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

1914 г.

БЕЗПЛАТНЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ!

2-ой годъ
издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г. на первый въ Россіи

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
избранныхъ произведеній ДѢТСКОЙ литературы

ЖАВОРОНОКЪ

въ картинахъ въ краскахъ, приложеніемъ книжекъ и подарковъ дѣтямъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія. Путешествія. Историческіе очерки. Фельетоны для дѣтей. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театръ, лѣпка изъ глины. Дѣтскія работы. Научныя статьи. Игры и забавы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растений, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія, ботаника для дѣтей. Задачи, шарады, загадки. Странички для родителей и воспитателей.

УЧАСТВУЮТЪ ВЫДАЮЩІЯСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СИЛЫ.

Журналъ печатается на дорогой глазированной бумагѣ.

Подписавшіеся на 1914 годъ получаютъ (ежемѣсячно 1-го числа):

12 РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВ. ВЫПУСКОВЪ Литературнаго и Научнаго журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ, въ изящныхъ обложкахъ.

15 художественныхъ картинъ, исполненныхъ о о КРАСКАМИ. о о

10 КНИЖЕКЪ съ картинками: рассказы для дѣтей извѣстныхъ писателей „МОЯ БИБЛИОТЕЧКА“.

10 КНИЖЕКЪ съ забавными картинками и смѣшными рассказами: „КНИЖКИ-ХОХОТУШКИ“.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками: „БИБЛИОТЕЧКА — ИГРУШКА“. Дѣтскія игры и развлечения.

10 КНИЖЕКЪ съ картинками: „ДѢТСКІЯ РАБОТЫ и ЗАНЯТІЯ“. Интересныя руководства для мальчиковъ и дѣвочекъ.

!! ЦѢННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ !!

Новогодніе подарки:

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ ЛЮБИМЫХЪ СТИХОВЪ,

украшенный цвѣтными орнаментами и галлереей портретовъ знаменитыхъ поэтовъ, въ тисненой краскахъ и золотомъ папкѣ.

ШЕСТЬ ИНТЕРЕСНЫХЪ ИГРЪ 1. Веселое лото. 2. Забавное домино. 3. Шаши. 4. Трубочистъ. 5. Гуси. 6. Сначки съ препятствіями.

Пасхальныя подарки.

ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ ДЛЯ РИСОВАНІЯ съ цвѣтными орнаментами, портретами великихъ художниковъ, въ рельефной исполненной красками папкѣ.

АЛЬБОМЪ КОМИЧЕСКИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ

Каждый, взявшій въ руки альбомъ моментальныхъ превращеній смѣшныхъ фигуръ, увидитъ въ немъ свое лицо. Фокусъ-шутка, а сходство поразительное.

Рождественскіе подарки на елку.

8 = ЖИВЫЯ КУКЛЫ! = САМОДВИЖУЩИХСЯ ИГРУШЕКЪ САМОДѢЛОКЪ для елки. Вырѣзныя фигуры, съ приложеніемъ руководства.

4 ПОТѢШНЫХЪ МАСКИ для РОЖДЕСТВЕНСКИХЪ ДѢТСКИХЪ спектаклей и вечеровъ. Съ приложен. веселой дѣтской пьесы.

КОЛЛЕКЦІЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХЪ ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

въ краскахъ, для дѣтей: Съ Новымъ Годомъ! Христосъ Воскресъ! Съ Ангеломъ! и друг.

Годовые подписчики получаютъ бесплатную премію роскошную стѣнную картину въ краскахъ, на паспарту,

знаменитаго художника ГУТМАНА

ШАЛУНЬЯ-БАБОЧКА

работы поставщик. Дв. Е. И. Величества Голике и Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставк. и пересылк. 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 2 р. За границу 8 р.

Редакція журнала „ЖАВОРОНОКЪ“, Спб., Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель **Н. В. Корецкій.**

Редакторъ **Ю. Е. Писарева.**

БЪГЛЕЦЪ.
Н. ЗЕНГЛЕРЪ.

XX 28
6

Жаворонокъ.

Л. Вудъ.

ТРУСЬ.

Ноябрь 1913 г.

XIII - 99

Выпускъ II-й.

МЯЧИКИ.

(Съ польскаго).

Выше, мячикъ, выше..
Полетѣль стрѣлой, —
Какъ кирпичикъ красный,
Вьется надъ стѣной.

Выше, мячикъ, выше..
Вотъ изъ глазъ исчезъ, —
Голубой по цвѣту,
Какъ лазурь небесъ.

Полетѣль лиловый..
Радуетъ дѣтей,
Словно какъ фіалка
Посреди полей.

Съ нимъ зеленый мячикъ,
Яркій, какъ листва..
Гдѣ-же онъ? Ловите..
Падаетъ.. Разъ-два...

Вотъ и желтый тоже..
Поскорѣй за нимъ!
Если промахнетесь, —
Попадетъ къ другимъ.

Выше, мячикъ, выше..
Апельсинный цвѣтъ..
И какой нарядный, —
Краше, право, нѣтъ!

Выше, мячикъ, выше..
Снѣжной бѣлизны..
Ну, ловите, дѣтки, —
Мчится съ вышины.

Семь мячей... всѣ въ воздухъ!
Семицвѣтный рядъ.
Мячики на солнцѣ
Радугой блестятъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ШАЛУНЫ.

Полевая гвоздика.

I.

Изъ-за темнаго, хмураго лѣса величественно подымается пурпурное солнце, окруженное цѣпью бѣлыхъ, съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ и съ золотою каймой, облаковъ.

Пробуждается природа. Птицы весело перекликаются, перепархивая съ вѣтки на вѣтку.

Засуетились букашки, то хлопоча о пищѣ, то просто выпалзывая понѣжиться на солнцѣ.

Цвѣты тоже проснулись, легко и граціозно покачиваются они отъ свѣжаго утренняго вѣтерка, словно шепчутся своими лепестками, разубранными капельками росы, въ которыхъ играютъ и переливаются солнечные лучи.

Въ это чудное юньское утро впервые развернула свой цвѣточекъ пунцовая полевая гвоздика.

И стояла она молодая, прекрасная, стройная, съ гордо приподнятой хорошенькой головкой, глядя любопытными глазами на окружающій міръ Божій.

Каждый лепесточекъ ея трепеталъ отъ счастья и радости.

«Наконецъ-то, — думала она, — я узнала настоящую жизнь. Ахъ, какъ хорошо, хорошо жить!»

И она заглядывалась на темно-голубыя чашечки полевыхъ колокольчиковъ,

на цѣпкую розовую кашку и приходила въ восторгъ отъ всего видѣннаго; ей хотѣлось благословлять весь міръ, и небо, и солнце, и цвѣты...

Но вотъ на зеленой полянѣ сада, гдѣ расцвѣла полевая гвоздика, появился мальчикъ лѣтъ восьми съ бѣлыми кудрями, съ голубыми веселыми глазами, въ бѣлой матроскѣ съ синимъ воротникомъ.

Въ рукахъ его былъ хлыстъ, и онъ размахивалъ имъ вокругъ себя, сбивая стебли и цвѣты высокой травы.

— Дзз... дзз...—свистѣлъ въ воздухѣ хлыстъ, и десятки цвѣтовъ падали съ разбитыми головками, съ раздробленными стеблями... Мальчугана видимо забавляла эта война, и онъ все учащалъ и учащалъ удары, все подвигался и подвигался впередъ.

— Дзз... дзз...— раздавалось въ воздухѣ.

Вотъ онъ уже недалеко и отъ гвоздики. Страшно, мучительно замирала она отъ ужаса, видя гибель сосѣднихъ цвѣтовъ, и все тѣло ея содрогалось при каждомъ взмахѣ хлыста.

«Вотъ-вотъ и она должна умереть,—она, молодая, еще не жившая. А жить такъ хочется, такъ хорошо жить!»...—проносятся мысли.

— Дзз... дзз...—раздалось совсѣмъ близко отъ гвоздики, и маленькая пунцовая головка, подкошенная хлыстомъ, повисла на тонкой истерзанной кожицѣ перебитаго стебелька; какъ слезы, упали съ цвѣтка на траву капли утренней росы...

II.

Медленно и плавно всплываетъ луна, озаряя своимъ мягкимъ, загадочнымъ свѣтомъ поля и лѣса... Бросаетъ она свой серебристый лучъ и въ дѣтскую комнату барскаго дома, скользитъ по бѣлымъ съ дорогими прошивками подушкамъ, серебрить свѣтлыя кудри спящаго мальчика и превращаетъ отдаленные предметы комнаты въ какія-то невѣдомыя страшныя чудовища.

Яркія звѣзды, мелькая и переливаясь, любовно заглядываютъ въ небольшое окно, заставленное цвѣтами.

Сонъ мальчика тревоженъ, щеки горятъ яркимъ румянцемъ, пересошія губы шепчутъ безсвязныя слова... Онъ весь разметался, шелковое одѣяло упало... Страшныя грезы давятъ его...

И снится ему тоже лунная ночь. Видитъ онъ, какъ въ раскрытое окно влетаетъ какая-то бѣлая птица. Онъ вглядывается и узнаетъ, что это не птица, а его, умершая годъ назадъ, сестренка Наташа.

И жутко ему, и радостно...

А она подходитъ къ нему все ближе и ближе, какой-то свѣтъ разливается отъ ея милаго личика, и невольно жмуритъ глаза... Вотъ она беретъ его за руку, и онъ чувствуетъ, что оба они вылетаютъ въ окно и несутся все выше и выше, все быстрѣе и быстрѣе; у него захватываетъ духъ, сердце такъ часто, такъ мучительно бьется, онъ хочетъ крикнуть и не можетъ...

Вдругъ онъ чувствуетъ, какъ рука Наташи крѣпко сжимаетъ его руку, слышитъ нѣжный ласкающій голосъ:

— Смотри, все цвѣты и цвѣты... красные, синіе. Только зачѣмъ столько сорной травы...

И видитъ онъ громадное, необъятное поле, усѣянное различными цвѣтами и травами, и нѣтъ ему конца...

А голосъ Наташи все звенить и звенить...

— Павелъ, смотри на эту поляну: сколько погбло травы, сколько поблекло цвѣтовъ... Какъ они солнцу молились, съ какой радостью жили, цвѣли.. Кто, кто погубилъ ихъ?..

И Павелъ, дрожа отъ волненія, вглядывается въ поле по направленію взора сестры. Передъ нимъ цѣлая поляна съ измятыми, переломанными цвѣтами, а между бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ мелькаетъ, словно бабочка, крупный красный цвѣтокъ полевой гвоздики!..

И вдругъ все исчезло: и цвѣты, и Наташа.

III.

Утро. Павелъ только что проснулся.

Ясно и отчетливо онъ вспоминаетъ свой сонъ...

Наскоро одѣвшись, онъ не хочетъ умыться, вырывается изъ рукъ няни и опрометью бѣжитъ въ садъ.

Песокъ на дорожкахъ хруститъ подъ его ногами, задѣтая имъ вѣтви кустовъ брызжутъ росой, влажная трава мочить ему обувь...

Солнце обогрѣло уже воздухъ, птицы весело щебечутъ, большая собака растянулась на аллеѣ подъ ласковыми лучами солнца и нѣжится...

Онъ уже миновалъ прудъ, выбѣжалъ на аллею яблонь, покрытыхъ душистыми блѣднорозовыми цвѣтами, и свернулъ на широкую зеленую лужайку, гдѣ вчера сражался съ цвѣтами.

Вотъ избитая крапива, вотъ голубые колокольчики, а вотъ и пунцовая полевая гвоздика.

Вся поляна эта, освѣщенная яркими лучами солнца, носила печальный видъ поля сраженія, усѣяннаго трупами стебельковъ и цвѣтовъ.

Листья подбитой травы уже повяли, краски цвѣтовъ поблекли, лепестки вяло опустились, пахло скошенной травой...

Павелъ развернулъ торчащія и наклоненные колосья травы и увидѣлъ, что возлѣ изломаннаго стебля гвоздики подымался изъ земли крохотный побѣгъ новаго стебелька съ маленькими листочками. Будто прося пощады, онъ тянулся вверхъ къ солнечному свѣту, къ теплу, къ манящей его жизни...

Е. В. Туркинъ.

НБТЪ, НЕ УКУСИШЬ!
(Деревянная собачка).

Первое страданіе.

Разсказъ Вл. К. Измайлова.

I.

Николай Михайловичъ, плотный широкоплечій молодой человѣкъ, стоялъ среди квартиры Ивашиныхъ, устало поводилъ большими карими глазами и тяжело отдувался, вытирая платкомъ круглое, обрамленное черной курчавой бородкой, лицо. На его широкой спинѣ сидѣлъ гимназистикъ Сережа и болталъ ногами; тонкій и сухощавый восьмилѣтній Коля въ выжидательной позѣ стоялъ около Николая Михайловича и неотрываящимся взоромъ маленькихъ ярко-голубыхъ глазъ смотрѣлъ ему въ лицо.

— Пробѣгитесь еще, Николай Михалычъ!—умоляюще кричалъ Сережа.
Николай Михайловичъ побѣждалъ снова, слегка покачиваясь съ боку на

бокъ. Сережа крѣпко, до боли, давилъ одной рукой его шею, а другой размахивалъ въ разныя стороны и, блестя глазами, возбужденно кричалъ:

О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ?

Коля высоко подпрыгивалъ и, громко стуча башмаками, выкрикивалъ что только приходило въ голову, обращаясь то къ «золотой нивѣ», которая «зрѣеть и спѣетъ на солнцѣ, колось наливая», то къ «пѣтушку-золотому гребешку».

Клавдя стояла поодаль и мучительно завидовала братьямъ, которые, какъ мальчики, могутъ дурачиться, какъ имъ угодно.

Наконецъ, и она, рѣшительно трянувъ головой съ темной торчащей косичкой, галопомъ подбѣжала къ Николаю Михайловичу и взяла его за два пальца. Широко открывъ небольшіе и черные, словно смородина, глаза, она очень выразительно стала спрашивать звонкимъ голосомъ.

Травушка зеленая, кто-жъ тебя скосилъ?
Травушка-муравушка, кто-жъ тебя стубилъ?

Одинъ только Петя—самый маленькій—не принялъ участія въ этомъ весельѣ. Широко разставивъ короткія ноги, онъ держалъ кончикъ крошечнаго пальца въ пухлыхъ оттопыренныхъ губахъ и хмуро смотрѣлъ на играющихъ большими наивными сѣрыми глазами.

Однако, когда увлеченіе дѣтей достигло своей высшей точки, онъ неожиданно сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ вразъ обѣими ногами и, быстро нагнувшись, схватилъ Клавдю за ногу. Та чуть не упала и, испуганная, тотчасъ-же громко пожаловалась на брата. Вошедшая въ эту минуту въ залъ Надежда Павловна сдѣлала озорнику строгое материнское внушеніе.

Мальчикъ внимательно вслушивался во всѣ оттѣнки сердитаго голоса и вдругъ съ живѣйшимъ любопытствомъ началъ всматриваться въ быстро и нервно двигавшіяся губы матери...

— Николай Михайловичъ, вотъ извольте на него полюбоваться: какъ къ стѣнѣ горохъ!—воскликнула Надежда Павловна.

Николай Михайловичъ улыбнулся. Петя подошелъ къ нему и сердито сказалъ:

- Не надо!
- Что не надо, Петичка?
- Зачѣмъ смѣешься?

Онъ ударилъ Николая Михайловича по рукѣ и убѣжалъ въ другую комнату.

— Это просто изумительно!—воскликнула Надежда Павловна.—За что онъ васъ не влюбилъ?

Николай Михайловичъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

Въ описываемое время онъ считался женихомъ дочери Ивашиныхъ Лизы и явно обнаруживающееся нерасположеніе къ нему маленькаго баловня семьи немного смущало его.

По его уходѣ Петя подошелъ къ матери, которая одна сидѣла въ гостиной и, смотря на нее пристальными серьезными глазами, спросилъ:

— Мама! этотъ черный человекъ возьметъ Лизу и не возвратитъ?

Мать улыбнулась, ласково потрепала свѣтлые волосы Пети и поцѣловала его.

— Пу-сти-и! Не возвратить?
Надежда Павловна, нѣсколько удивленная такой настойчивостью со стороны ребенка, отвѣтила:
— Онъ возьметъ ее, милый мой, но ты можешь бывать у Лизы, сколько тебѣ угодно. Даже жить, если захочешь.
— Жить? У этого широкаго человѣка? Гдѣ онъ будетъ жить?
Мать, любясь имъ, отвѣтила:
— Широкій человѣкъ будетъ жить съ Лизой въ своей квартирѣ.
Петя поднялъ едва замѣтныя свѣтлыя брови и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.
— Лиза будетъ тамъ?
— Да.
Глаза мальчика выразили недоумѣніе.
— Она его любитъ?
— Ахъ, маленькій дурашка! Лиза любитъ и тебя и его...
— Его-о?!—изумленно и вмѣстѣ тревожно воскликнулъ Петя, дѣлая большіе глаза.—Его-о...—почти беззвучно повторилъ онъ.
— Что съ тобой, милый?
Глаза Пети вдругъ учащенно замигали, пухлое лицо покраснѣло, губы дрогнули... Неожиданно онъ закричалъ, заливаясь слезами:
— Не хочу! я не хочу! Я не буду жить тамъ! Я не люблю широкаго человѣка!

II.

Петя былъ любимцемъ своей взрослой сестры. Лизѣ казалось, что ни Сережу, ни Колю, ни Клавдю она не любила года 3—4 тому назадъ такъ, какъ любить Петю. Она вполне замѣнила ему самую нѣжную, внимательную мать и не уставала возиться съ нимъ по цѣлымъ часамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ. Она нерѣдко даже отказывалась отъ удовольствія сходить на балъ, или въ театръ только изъ за того, что у братишки, какъ казалось ей, то кашель усиливается, то голова что-то очень горяча. Уже очень давно кроватка Пети перекочевала изъ спальни Надежды Павловны въ комнату Лизы.

Петя ложился спать рано; но передъ сномъ онъ обыкновенно нѣкоторое время лежалъ вверхъ лицомъ, съ открытыми вдумчивыми глазами, устремленными въ потолокъ. О чемъ онъ думалъ или фантазировалъ,—Богъ знаетъ. Проходило минуты три-четыре, и онъ подзывалъ Лизу, вытягивалъ губы для поцѣлуя и, поворотившись на бокъ, тотчасъ-же засыпалъ.

Въ вечеръ того дня, когда происходилъ разговоръ о намѣреніяхъ «широкаго человѣка», Петя измѣнилъ своей привычкѣ. Ноги его постоянно сбрасывали одѣяло; онъ ворочался съ боку на бокъ, пыхтѣлъ, но молчалъ упорно и долго. Лиза нѣсколько разъ отрывалась отъ книги, которую читала, чтобы поправить одѣяло на Петѣ; съ легкимъ упрекомъ она говорила, что всѣ умные и хорошенькіе мальчики давнымъ-давно спятъ крѣпко и сладко. Петя избѣгалъ ея взгляда и ничего не говорилъ; но когда Лиза поворачивалась къ нему спиной, провожалъ ея фигуру неотрывающимся взоромъ.

И какой-то нѣмой вопросъ свѣтился тогда въ его задумчивыхъ широко-открытыхъ глазахъ...

ВЪ ЗИМНЕМЪ УБОРЪ.

— Иди сюда!—наконецъ, робко, какъ-бы про себя, произнесъ онъ.

— Ну, что?—тревожно спросила Лиза.—Головка болитъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Петя.—Ты меня любишь?

Лиза давно отмѣтила въ ребенкѣ жажду ласки и любви, и нисколько не удивилась вопросу. Цѣлуя его пальцы и ладонь, она скороговоркой заговорила, что любить и никогда не перестанетъ любить его, и что нельзя не любить такого милаго и умнаго капризника-братишку, такое золото, такое сокровище...

Петя очень мягко, но настойчиво отстранился отъ ея ласкъ и, глядя ей прямо въ глаза, сказалъ:

— А этого, чернаго, ты не любишь?

Лиза сдѣлала большіе глаза, а на лицѣ ея изобразилось смущеніе. Между тѣмъ мальчикъ уже сидѣлъ на своей кроваткѣ и тревожно смотрѣлъ на нее.

— Ну-у?—какъ-то, повидимому, равнодушно и тихо произнесъ онъ.

А Лиза, засмѣявшись, вдругъ порывисто наклонилась къ нему, охватила его горячую голову и, цѣлуя его глаза, щеки и кончикъ носа, заговорила:

— Смѣшной Петичка! Люблю-ли я его? Люблю, конечно, люблю!..

Петя отчаянно забарахтался въ ея объятіяхъ.

— Уйди отъ меня... ты... дура!

— Ай, стыдно такъ ругаться, стыдно...

— Не стыдно! не стыдно!

— Да что съ тобой?

— Убирайся...

— У-у, какой нехорошій... капризникъ... Плачь, сколько хочешь.

Она отошла отъ ребенка и притворилась читающей. Уткнувшись лицомъ въ подушку, Петя громко заплакалъ. Лиза разсердилась.

— Ахъ, какой ты, право... скажи, ради Бога, чего тебѣ надо?

— Онъ нехорошій... — заговорилъ Петя, рыдая.—Я тебя не дамъ... Кто меня будетъ укладывать спать...

Онъ порывисто вытащилъ изъ-подъ головы подушку и бросилъ ее на полъ. То же хотѣлъ онъ сдѣлать и съ другой подушкой, но она плохо поддавалась его усиліямъ, и онъ замолчалъ, сердито пыхтя.

Лиза глубоко пожалѣла своего маленькаго любимца.

«Бѣдненькій, онъ чувствуетъ, что въ скоромъ времени останется одинокимъ»...—пришло ей въ голову.

Съ чисто материнскимъ тактомъ, лаская и цѣлуя Петю, называя его нѣжными именами, она скорѣе убаюкала мальчика, нежели успокоила. Онъ такъ и уснулъ на ея рукѣ.

Долго въ эту ночь Лиза сидѣла возлѣ кровати Пети и не спускала съ него грустныхъ глазъ. Мальчикъ раскраснѣлся, раскинулъ руки и шевелилъ пальцами; иногда губы его чуть-чуть открывались, точно онъ хотѣлъ что-то сказать и не могъ...

III.

Ни Лиза, ни Надежда Павловна не обмолвились ни однимъ словомъ о разговорахъ съ ними Пети, когда утромъ вся семья Ивашиныхъ,—кромѣ Сережи, который вставалъ раньше всѣхъ и, напившись чаю, уходилъ въ гимназію,—сидѣла за длиннымъ столомъ и пила чай.

Разговаривали о разных пустяках. Клавдя сообщила, что, умывшись, она никакъ не могла сразу расчесать свою косичку. «Охъ ужъ эта противная коса!» Надежда Павловна сказала, что сегодня ужасный морозъ и поэтому надѡ пожарче натопить печи. Напоминаніе о морозѣ дало поводъ Колѣ сказать, что перчатка, которую Николай Михайловичъ третьяго дня не могъ найти, сегодня найдена горничной Агашей за комодомъ.

— Агаша!—заинтересованно крикнула Надежда Павловна.—Ты нашла сегодня перчатку Николая Михайловича?

Агаша съ довольнымъ лицомъ и съ грязной тряпицей въ рукѣ, красная, потная и простоволосая, тотчасъ-же прибѣжала изъ кухни и рассказала, какъ она пошла мести переднюю, какъ мела ее, о чемъ въ это время думала и какъ, наконецъ, пришла въ большое удивленіе, увидѣвъ высывающійся изъ-за комода маленькій кусочекъ перчатки.

— Я полагаю, не очень важно чувствовалъ себя на улицѣ нашъ милѣйшій кандидатъ правъ. Морозецъ былъ на рѣдкость, а онъ въ ватномъ пальто...—произнесъ глава семьи Александръ Алексѣевичъ, расправляя на обѣ стороны свою огромную начинавшую серебриться бороду.

— Вѣроятно, онъ засунулъ руки въ карманы?—сказалъ Коля.

Петя завозился на своемъ высокомъ стулѣ.

— Мама, онъ правъ?

Клавдя громко хихикнула. Мать улыбнулась.

— Кандидатъ правъ,—поправила она Петю.

— Зачѣмъ кандидатъ правъ?—настойчиво повторилъ мальчикъ.

— Ну, карапузъ,—благодушно замѣтилъ отецъ,—ты еще такъ малъ, что не понимаешь очень многихъ вещей. Существуютъ разные права... Вотъ вырастешь и узнаешь...—И Александръ Алексѣевичъ, вспомнивъ, что ему пора на службу, съ шумомъ отодвинулъ тяжелое обитое кожей кресло.

Коля и Клавдя ушли въ залъ. Взобравшись съ ногами на стулья, они оперлись локтями о крышку рояля и стали разсматривать картинки въ большой толстой книгѣ, шумя листами и громко дѣлясь впечатлѣніями.

Петя прижалъ къ груди картоннаго медвѣдя, и съ сосредоточеннымъ видомъ направился въ уголъ зала; здѣсь онъ далеко отбросилъ отъ себя медвѣдя, сѣлъ и, прищуривъ глазъ, тихонько заплѣлъ, хлопая въ ладоши:

— Жиль-быль козликъ... напали, напа-а-ли... сѣрые волки... на козлика... Они напали на козлика!.. Съѣли его... Ничего они не оставили... оставили только рожки да ножки...

— Мама,—раздался изъ гостиной голосъ Лизы,—гдѣ у насъ шпулька съ бѣлыми нитками?

— Лиза!—вдругъ громко крикнулъ Петя.

— Чего тебѣ?

— Дай медвѣдя...

— А самъ не можешь взять?

— Да-ай медвѣдя!

— На вотъ, только не каночъ ради Христа.

Но мальчикъ не только не бралъ игрушки, но совершенно неожиданно заложилъ руки за спину и улыбнулся.

— Да бери-же скорѣй, мнѣ некогда...

Быстрымъ движеніемъ Петя взялъ руку Лизы и припалъ къ рукѣ лицомъ.
— Лиза, сестричка моя добрая! Я такъ люблю тебя...

Лиза ушла. Петя набралъ въ ротъ воздуху и, высоко вскидывая ноги, направился къ круглому столу, на которомъ стояла массивная зеленая лампа. Приподнявшись на цыпочки, онъ взялъ со стола черную чугунную пепельницу, и тотчасъ-же побѣжалъ въ прихожую. Здѣсь онъ опустился на колѣни, приликъ лицомъ къ щели между дномъ комода и поломъ и сунулъ туда пепельницу.

Подпрыгивая вбокъ, размахивая руками, точно крыльями, мальчикъ очутился около Клавди и Коли и молча потянулъ за ножку стула, на которомъ тѣ стояли.

— Уйди, Петька!—крикнула поблѣднѣвшая Клавдя.—Мама, Петя намъ мѣшаетъ!

Коля рѣшилъ привлечь брата къ разсматриванію картинокъ и помочь ему взобраться на стулъ. Петя рѣшительнымъ движеніемъ придвинулъ книгу къ себѣ и съ размаху положилъ обѣ ладони на картинку.

— Дай перевернуть листъ! воскликнула Клавдя.

— Не хочу!—И онъ еще крѣпче надавилъ ладонями на книгу.

— Подними руки, Петя! Ахъ, какая тамъ интересная картинка...

— Не хочу.

— Если не хочешь смотрѣть, такъ уходи отъ насъ!.. Коля, оставимъ его одного. У-у, дуракъ...

Клавдя и Коля слѣзли со стула.

— Коля!—съ дѣланнымъ восторгомъ, хлопая въ ладоши и подпрыгивая, крикнула Клавдя.—Вотъ славно-то... мальчишки на санкахъ катаются! Ха-ха-ха!..

Петя слѣзъ со стула и тоже побѣжалъ къ окну, но какъ ни вытягивалъ шею, какъ ни поднимался на цыпочкахъ, не могъ ничего увидѣть. Онъ издалъ неопредѣленный жалобный звукъ.

Клавдя быстро повернулась къ нему; глаза ея блестѣли.

— Ага, небось? А зачѣмъ мѣшалъ картинки смотрѣть? Зачѣмъ, а-а?—Ну, ужъ ладно, смотри...

Напрягая всѣ силы, Клавдя съ минуту держала брата на извѣстной высотѣ. Мальчикъ указывалъ пальцемъ на прохожихъ, поворачивалъ лицо къ Клавдѣ и улыбался ей...

IV.

Былъ вечеръ. Съ минуты на минуту ждали Николая Михайловича, который обѣщалъ явиться въ 6 часовъ, чтобы потомъ идти въ театръ.

Петя, какъ тѣнь, ходилъ за Лизой и, когда та наряжалась, смотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, словно намѣревался дать ей нѣсколько цѣнныхъ совѣтовъ по туалетной части. Его глаза бѣгали по разнымъ сткляночкамъ и коробочкамъ, разставленнымъ въ живописномъ безпорядкѣ на туалетномъ столикѣ. Онъ съ большимъ трудомъ досталъ со стола браслетъ и подаль его Лизѣ.

— Благодарю васъ, молодой человекъ!—смѣясь, сказала Лиза и громко прибавила:—Мама, какой у насъ кавалеръ Петя-то!

— Кандидатъ придетъ?—спросилъ мальчикъ.

— Николай Михайловичъ...

— Кандидатъ...—угрюмо произнесъ Петя.—Онъ придетъ?

— Да-да...

Въ залѣ раздался голосъ Надежды Павловны, спрашивающей Агашу объ исчезнувшей со стола пепельницѣ.

— Это непременно кто-нибудь изъ дѣтей. Вѣчно возьмутъ и затеряютъ!

— Я не брала, мамочка,—быстро сказала Клавдя.

Петя выбѣжалъ въ залъ и прислонился спиной къ стѣнѣ, выдвинувъ впередъ ноги; его глаза съ невиннѣйшимъ видомъ переходили съ недоумѣвающего лица матери на встревоженное лицо Агаши.

Надежда Павловна всмотрѣлась въ спокойное лицо мальчика и вдругъ полусердито воскликнула, уходя изъ зала:

— Никто иной, какъ Петька!

Петя молчалъ, почти сурово смотря въ пристально устремленные на него глаза Агаши, и сердито сказалъ:

— Уйди!

И снова отправился къ Лизѣ.

— А я въ театръ не пойду,—сказалъ онъ,—маленькіе въ театръ не ходятъ?

— Маленькимъ спать надо.

— Я не хочу спать. Я спать не буду.

— Слушайся мамы. Будь паинькой.

— А я не хочу быть паинькой.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже былъ возлѣ передней, ухватился за толстую гардину и заглянулъ въ полумракъ. На вѣшалкѣ грудой коробилось верхнее платьѣ. Мальчикъ подбѣжалъ къ длинной мѣховой ротондѣ Надежды Павловны и спрятался въ ней.

Въ этотъ моментъ звякнулъ звонокъ.

Петя прижалъ ноги къ стѣнѣ, когда Агаша прошла мимо него отпирать парадное крыльцо, а затѣмъ выскочилъ изъ шубы и выбѣжалъ въ теплыя сѣни. Войдя въ сѣни, Николай Михайловичъ встрѣтился съ Петей.

— Ты пойдешь въ театръ?—спросилъ его мальчикъ.

Николай Михайловичъ не безъ любопытства и съ добродушно-снисходительной улыбкой посмотрѣлъ на Петю.

— Ну да. Ну и что-же?

Брови мальчика почти соединились въ легкой складкѣ.

— Ты когда возьмешь Лизу къ себѣ на квартиру!

Николай Михайловичъ удивленно усмѣхнулся.

— Она меня цѣлуетъ,—продолжалъ послѣ небольшого молчанія Петя,—а тебя она не цѣлуетъ. Лиза не будетъ у тебя. Она меня укладываетъ спать. Я буду плакать.

— Ну, ладно... Мы обсудимъ это дѣло потомъ. Здѣсь простудиться можно, головка будетъ бо-бо...

— Ты не хорошій... кандидатъ. Ты не правъ. Я буду плакать.

И онъ неожиданно залился горячими слезами.

Въ двери изъ зала въ переднюю стояла недоумѣвающая Надежда Павловна, когда всхлипывающій Петя и улыбающійся Николай Михайловичъ показались на порогѣ квартиры.

— Здравствуйте! Что такое, что съ нимъ?

— Да вотъ, представьте,—смѣясь, говорилъ Николай Михайловичъ, снимая

при помощи Агаши, пальто,—Петичка явился ко мнѣ, такъ сказать, съ дипломатической нотой...

— Нечего сказать, хорошую ноту тянетъ сейчасъ Петя,—скаламбурила Надежда Павловна.—Ну будетъ, перестань!

Петя теръ кулаками глаза и искоса посматривалъ на Николая Михайловича.

— А-а,—догадалась Надежда Павловна, вспомнивъ разговоръ съ Петей.— Ну-съ, господинъ дипломатъ, вы сдѣлали все, что могли, а теперь прежде всего перестаньте плакать, это такъ не идетъ къ вашему блестящему положенію... Сейчасъ, Петичка, будемъ пить чай съ вкусными конфетами...

Съ этими словами улыбающаяся Надежда Павловна и весело настроенный Николай Михайловичъ прошли въ гостиную, гдѣ за кипящимъ самоваромъ сидѣли дѣти, Лиза и Александръ Алексѣевичъ.

Петя съ открытымъ ртомъ неподвижно стоялъ и большими испуганно-изумленными глазами смотрѣлъ на широкую спину удалявшагося Николая Михайловича. Онъ перевелъ свой взоръ на грудь висѣвшаго верхняго платья и на нѣсколько мгновеній остановилъ его на драповомъ, недавно купленномъ дипломатѣ Лизы... И снова погрузился въ раздумье.

Въ гостиной Николай Михайловичъ рассказывалъ о «дипломатической нотѣ» Пети, и всѣ дружно смѣялись.

— Да гдѣ-же онъ?—спросила Надежда Павловна.—Петичка, иди сюда, милый... Фигурка мальчика чуть дрогнула и насторожилась; лицо поблѣднѣло.

— Петя, что-же ты не идешь?

Послышалось шуршаніе платья и скрипъ отодвигаемаго стула.

И вдругъ, точно вдохновленный неожиданно блеснувшей въ головѣ мыслью, Петя бросился къ комоду. А когда Надежда Павловна подошла къ нему, онъ уже стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, хмурый, со сложенными за спиной руками.

— Пойдемъ, милый,—ласково говорила мать, положивъ руку на его плечо и заглядывая ему въ лицо,—какой-же ты бука... Не хорошо такъ упрячиться. Всѣ тебя такъ любятъ...

Мальчикъ раздраженно дернулъ плечомъ.

— Мама, никто меня не любить...

Съ мрачнымъ лицомъ маленькаго заговорщика, съ немного опущенной головой, онъ вошелъ въ ярко освѣщенную гостиную...

Всѣ съ очень добрыми и очень веселыми улыбками смотрѣли на него. Только на лицѣ Лизы сквозь улыбку мелькнула тѣнь тревоги.

— Вотъ и дипломатъ!—воскликнулъ Александръ Алексѣевичъ.

Губы мальчика дрогнули.

— Я — не дипломатъ!—неожиданно крикнулъ онъ, сверкнувъ сердито глазами. И съ этими словами отставилъ одну ногу назадъ, поднялъ высоко надъ головой руку и бросилъ пепельницу въ центръ сидящей за столомъ компаніи...

Пепельница звучно упала на стаканъ съ чаемъ и разбила его.

Петѣ не дали чаю и поставили въ уголъ лицомъ. Въ первый еще разъ такъ жестоко наказали его. Онъ стоялъ около четверти часа и, ни на минуту не переставая, плакалъ, громко всхлипывая и трясясь всѣмъ своихъ маленькимъ тѣломъ.

В. Измайловъ.

МЯТЕЛЬ.

Какъ у князя у Мороза
За хоромами
Серебра грузять обозы
Вѣдьмы съ гномами...

Не проѣхать, не пройти тамъ
Даже пѣшему,—
Сторожать пути синклитомъ
Слуги лѣшему...

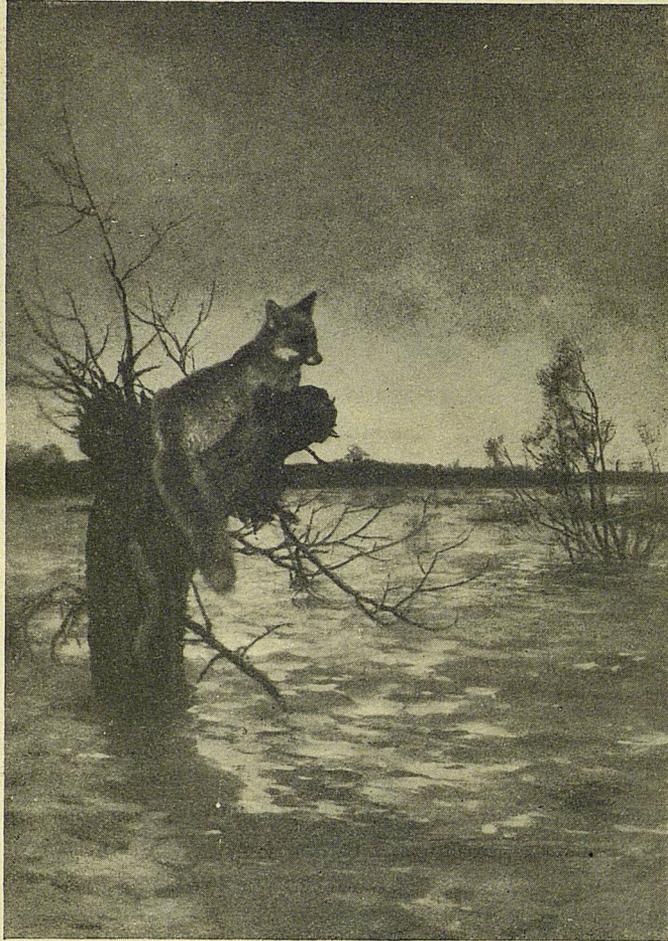
Слухъ, какъ старецъ, ходить-бродить
Надъ округою;
Князь Серебряный заводитъ
Свадьбу съ вьюгою!..

Серебромъ онъ Русь покроетъ
Въ ночь-кудесницу,—
Въ теремъ къ Мѣсяцу построить
Къ свадьбѣ лѣстницу...

Встрѣтятъ ихъ послы съ почетомъ
Королевичей;
Стража станетъ по высотамъ
Въ теремъ дѣвичій...

Борисъ Богомоловъ.

В.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

БѢЛАЯ ЛИСИЧКА.

Разсказъ К. Носилова.

1.

Мы ее словили на Новой Землѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ.

Была полярная ночь, мы, помню, мирно и тихо сидѣли въ своемъ маленькомъ домикѣ, какъ вдругъ на дворѣ тявкнула наша собака, за ней отозвалась тревожнымъ образомъ другая, затѣмъ — третья, четвертая, пятая и въ одинъ мигъ всѣ наши псы, штукъ шестнадцать собакъ, на которыхъ мы ѣздили на этомъ островѣ, — подняли оглушительный лай, забѣгали, заносились кругомъ нашей зимовочки, съ визгомъ, лаемъ, ворчаніемъ, какъ словно за бѣлымъ медвѣдемъ. Схватываю патронное ружье; кричу Мишкѣ-повару, чтобы какъ можно скорѣе зажигалъ свой фонарь; зову другого матроса на помощь себѣ съ оружіемъ и мы всѣ втроемъ съ бьющимся сердцемъ, предполагая на самомъ дѣлѣ,

ПОВЛЕКШЯ РОЗЫ.

что къ намъ пожаловаль бѣлый медвѣдь, выходимъ тихонько въ наши маленькія сѣннички, съ потолка которыхъ такъ и закрошились нѣжныя снѣжиночки кристаллическаго блестящаго куржака. А лай,—страшный лай все продолжается; собаки съ воемъ носятся кругомъ нашего одинокаго жилья, словно гоняясь за страшнымъ громаднымъ бѣлымъ звѣремъ; вотъ онѣ всѣ тутъ около самаго нашего маленькаго домика; вотъ снова понеслися оравую кругомъ его стѣнъ и я, принимая всѣ предосторожности, чтобы онѣ не ворвался къ намъ въ жилье, приказываю Мишкѣ,— блѣдному, перепуганному Мишкѣ,—свѣтитъ какъ слѣдуетъ и пріотворяю немного выходныя двери, настораживая ружье. Но только что я пріотворилъ эту дверь, какъ вижу кто-то шмыгнулъ мнѣ подъ ноги бѣленькій, и я тотчасъ же захлопнулъ скорѣе дверь, понявши, что что-то случилось, и оборотился къ моимъ вѣрнымъ спутникамъ. Но они стояли съ такимъ выраженіемъ лицъ, что мнѣ даже стало за нихъ стыдно: Мишка буквально трясся отъ страха, отчего фонарь его болтался въ разныя стороны, а Афанасій какъ бы застылъ съ ружьемъ въ рукѣ, не понимая того, что онъ держитъ дуло его прямо противъ моей спины, а псы, разъярившіеся псы, какъ есть до одного, навалились уже на нашу дверь, грызутъ ее, какъ бы требуя себѣ добычи. Ясное дѣло, что звѣрь уже у насъ; я говорю имъ, что кто-то проскользнулъ бѣлый мнѣ подъ ноги; но мои храбрые спутники даже не шевелятся отъ страха.

— Свѣти!—кричу я Мишкѣ, видя, что онѣ окончательно потерялся отъ неожиданности. Мишка опускаетъ руку съ фонаремъ, дико оглядывается; Афанасій тоже самое, но кругомъ насъ на полу блестятъ только однѣ снѣжинки. А собаки рвутся къ самымъ дверямъ, уже отъ злости перегрызаются, какъ бы указывая намъ дорогу.—Постой, ребята,—успокаиваю я своихъ молодцовъ:—ей-ей я видѣлъ собственными глазами, какъ кто-то бѣлый проскочилъ мнѣ подъ ноги съ улицы,—и мы приступаемъ къ обыску нашихъ сѣней, сплошь по угламъ заваленныхъ разнымъ хламомъ.

Перебираемъ осторожно, вздрагивая, одинъ уголь—нѣтъ никого, перевертываемъ все въ другомъ противоположномъ уже болѣе спокойнымъ образомъ, то же самое, и лица матросовъ храбрыхъ моихъ какъ-то вытягиваются еще болѣе и болѣе, и на нихъ выступаетъ даже блѣдность.

— Что за дрянь!—говорю я, увѣряя ихъ, что я видѣлъ что-то бѣлое.

— Вотъ, еще оказія!—продолжаю я, когда мы такъ же безуспѣшно перерыли третій уголь.

— Не привидѣніе ли?—шепчетъ уже испуганно Мишка. Но я настойчиво собственными уже руками продолжаю розыски, какъ обращаю вниманіе на чуть-чуть пріотворенную дверь сосѣдняго чуланчика, который я полагалъ, что онѣ закрытый.

— Ну-ко, ребята, суньтесь-ко въ этотъ чуланчикъ, ей-ей я видѣлъ что-то бѣлое, не можетъ быть, чтобы я осмотрѣлся...

Ребята мои осторожно приближаются къ чуланчику, со страхомъ, чтобы оттуда не показался бѣлый медвѣдь, пріотворяютъ тихонько его дверь; но тамъ тоже нѣтъ ровно никого, какъ будто это что-то бѣлое отъ насъ окончательно скрылось.

— Ахъ, чтобъ его розорвало!—наконецъ, не выдерживаю я:—вѣдь собаки рвутся сюда, значить что-нибудь слышатъ.

Мы безмолвно останавливаемся и прислушиваемся. Гонъ, дѣйствительно,

сразу затихъ, какъ только дверь призакрылась. Ясное дѣло,—звѣрь тутъ, около, и я приказываю уже перерыть весь чуланъ, какъ Мишка воскликнулъ:

— Стойте, кто-то есть!..

— Гдѣ?

— Въ углу! Ей Богу, въ самомъ углу!

— Кто?

— Песецъ должно быть что!.

— Бери его скорѣе, каналью, хватай его!..

— Да, онъ кусается...

— Лови рукавицей его!..

— Да, онъ не дается...

— Ахъ, чтобъ его...—бросается на помощь Мишкѣ, теперь обрадованному находкою, Афанасій мой, и передо мной, послѣ минутнаго замѣшательства, въ воздухѣ, дѣйствительно, бѣлый песецъ,—полярная лисичка бѣлая, съ испуганными такими карими глазами. Бѣдняжка даже высунула красный свой маленькій язычекъ, такого ей задали гона наши собаки.

* * *

Мы, торжествуя, вносимъ ее въ наше помѣщеніе и, закрывши старательно дверь, чтобы она куда не шмыгнула, опускаемъ ее на полъ.

Дѣйствительно, лиса, полярная бѣлая лиса, съ пушистымъ такимъ красивымъ хвостомъ по полу, горбатенькая такая еще отъ страху, но съ настороженными такими чуткими ушками, которыя словно прислушиваются еще къ лаю сердитыхъ собакъ.

— Здорово!—для чего-то говоритъ теперь восхищенный Мишка.

— Ловко мы ее!..—повторяетъ мой Афанасій, забывши недавнее еще душевное свое волненіе и ходенемъ ходящее въ рукахъ ружье, и мы начинаемъ осматривать нашу находку.

Она прямо прелестна въ своемъ бѣлоснѣжномъ пышномъ нарядѣ, бѣлый хвостъ ея прямо приводитъ въ восторгъ, каріе бойкіе глазки такіе смысленные, какъ бы безъ словъ говорятъ уже намъ объ ея хитрости; но она въ настоящую минуту растерялась.

Она дико, пугливо, робко оглядывается; наша блестящая лампа буквально ее пугаетъ послѣ мрака; окружающее тоже кажется несвойственно ея бѣдной снѣжной въ горахъ норѣ, а потолокъ нашъ рѣшительно не походитъ на ея знакомое небо... Но, однако, она скоро очнулась, и первое ея движеніе на свободѣ было то, чтобы испытать: боится ли ее это окружающее. Она бросается на нашъ стулъ и пробуетъ его укусить, но стулъ ровно не обнаруживаетъ страха. Она кусаетъ ножку кровати моей, но и кровать нисколько не дрогнула отъ ея острыхъ и бѣлыхъ зубовъ. Она пробуетъ броситься на меня и укусить мой толстый пимъ, но и пимъ остается къ этому совершенно равнодушнымъ. И она рѣшаетъ, что предметы и люди тутъ всѣ каменные и не стоитъ ихъ кусать, какъ бы ни остры были ея бѣлыя зубки. Казалось, ее очень-очень это удивило; но мы стояли пока безмолвные, только смотря на нее и думая, что дальше будетъ.

Мишка первый раскрылъ свой ротъ, какъ мы этого звѣрька опустили, какъ въ сказкѣ, въ нашу комнату:

— Должно быть, что бѣдняжка голодная: ишь какъ ее сгорбило, какъ она исхудала!..

Дѣйствительно, она была не изъ очень сытыхъ. Немудрено, была полярная ночь, ѣсть на этомъ снѣжномъ островѣ было рѣшительно нечего, почему она, вѣроятно, и пожаловала въ нашу колонію, чтобы чѣмъ поживиться..

Мишка быстро исчезъ въ своей кухонкѣ и живо явился оттуда съ кускомъ сала.

— Лизавета Ивановна, не желаете ли чего покушать?

Но лисичка только повела носомъ своимъ въ его сторону, такъ предупредительно оскаливши на него свои бѣлые зубы.

— Можеть, мышекъ желаете?—завтра же ихъ изловлю вашей милости, ихъ сколько угодно въ нашемъ подпольѣ!

Но Лизавета Ивановна, не отвѣтивъ ничего, шмыгнула подъ кровать и такъ забила тамъ рѣшительно въ уголъ самый, что мы рѣшили ее больше сегодня не тревожить.

* * *

Рѣшено было обсудить, какъ слѣдуетъ, новое положеніе, и мы, тихонько, не тревожа гостью нашу бѣлую, отправились въ кухню и стали держать совѣтъ.

Афанасій предложилъ завтра же по-утру сколотить ей деревянную клѣточку; Мишка клялся, что онъ ей будетъ ловить каждое утро полярныхъ мышей, только бы она осталась нашей гостьей; но я рѣшилъ, что на мышей нѣтъ надежды окончательно, и предложилъ ребятамъ своимъ пожертвовать ей нашъ послѣдній запасъ яицъ, которымъ мы очень дорожили, не имѣя курицъ. Всѣ охотно дали это согласіе, хотя въ будущности не было рѣшительно ровно никакихъ надеждъ болѣе получить вкусную селянку.

Нечего и говорить, что мы рады были этому развлеченію, въ нашей семьѣ прибыло, и въ этотъ вечеръ разошлись по своимъ мѣстамъ въ такомъ настроеніи, какъ будто увидали кого родного.

II.

Раннимъ утромъ у Мишки началась отчаянная возня въ подпольѣ съ мышами; но они словно были уже предупреждены относительно этого и никакъ не давались ему въ руки. Афанасій, вѣрный своему обѣщанію, началъ другую возню въ снѣгахъ, сколачивая нашей гостьѣ помѣщеніе, страшно стуча тамъ разными своими инструментами, а наша гостья сидѣла подъ кроватью моей и прислушивалась ко всему этому, вѣроятно, думая, какъ бы ей вырваться отъ этихъ шумливыхъ очень людей, привыкши къ полному безмолвію этого острова и снѣжной, тихой такой въ скалахъ, своей норкѣ.

Однако, какъ ни старались мои друзья, къ первому чаю ровно не было ничего, что они горячо обѣщали: мыши всѣ разбѣжались куда-то отъ одной мысли нашего повара словить ихъ бѣлой лисичкѣ на завтракъ, Афанасій, какъ ни старался съ своею клѣткою, ровно ничего не успѣлъ, потому что не было главнаго,—лѣса и гвоздей, о которыхъ какъ-то забылось при обѣщаніи. И пришлось обратиться къ нашему складу яицъ куриныхъ въ зимовочкѣ, а гостьѣ предоставить въ комнатѣ полнѣйшую свободу.

И странно было: казалось, всѣ наши хлопоты были напрасными, потому что наша Лизавета Ивановна еще ночью съѣла кусочекъ сала аккуратнымъ

образомъ, а что касается помѣщенія, то она оказалась такъ мила, что, видимо, насъ нисколько не стѣсняла своимъ присутствіемъ и въ комнатѣ, помѣстившись и облюбовавши себѣ мѣстечко подъ моей кроватью.

Что же касается нашихъ заботъ относительно того, чтобы она не сбѣжала отъ насъ, то это даже оказалось излишнимъ: она такъ была напугана ночью нашими злыми собаками, что теперь даже не смѣла носа сунуть своего къ самой двери, чувствуя близость тамъ своихъ непріятелей.

Словомъ, все устроилось такъ, что мы и не ожидали даже этого, и наша гостья,—бѣлая Лизавета Ивановна, была для насъ не болѣе какъ кошечка бѣлая, пышная, нѣжная, которой только намъ не доставало.

* * *

Оказывается, это была молоденькая еще лисичка и, какъ всѣ звѣри на этомъ дикомъ островѣ, даже не видѣла враговъ въ человѣкѣ.

Она спокойно высовывала свой носъ изъ-подъ кровати, когда кто-нибудь являлся въ комнату, она чутко прислушивалась ко всему, приглядывалась, словно изучая нашу жизнь, она спокойно прокрадывалась изъ угла въ уголъ, пользуясь защитой стола и стульевъ, когда я погружался въ свои дневники и письменныя занятія; она въ минуты общаго затишья даже подходила къ самымъ дверямъ, словно для того, чтобы узнать: тутъ ли ея враги-собаки. Они были тутъ,—спали или храпѣли самымъ безпечнымъ образомъ за дверями самими, и это было самой лучшей гарантіей тому, что отъ насъ не убѣжитъ наша плутовка.

Что же касается пищи, она истребляла такъ наши яйца, что мы только переглядывались съ Мишкой, какъ бы спрашивая, что-то намъ останется къ будущей Пасхѣ. Въ концѣ концовъ мы рѣшили ограничить ея столъ, довольно таки порядочный послѣ ея голодованія, мясомъ и саломъ однимъ, что оказалось какъ разъ кстати: увы, яицъ нашихъ въ чуланѣ уже было незначительное количество и тамъ оставалось ровно столько ихъ, чтобы только намъ похристосоваться другъ съ другомъ на Пасхѣ.

* * *

Черезъ недѣлю времени наша Лизавета Ивановна была уже совершенно ручною. Мы доставали руками ее изъ ея убѣжища, садили рядомъ на мягкій диванъ, мы гладили шерстку ея пушистую, отъ чего она только покорчивалась, мы разговаривали съ ней рѣшительно обо всемъ, мы лакомили ее любимымъ саломъ оленя, мы расчесывали ея пышный костюмъ, въ которомъ, увы, уже появились безпокойныя блошки. А Мишка даже собирался ее помыть въ слѣдующую субботу, когда мы устраивали ванну изъ морской воды въ нашемъ коридорчикѣ, попеременно опускаясь туда, то съ криками ужаса, когда вода была еще горяча, то охая, когда она была уже холодной. Словомъ, Лизавета Ивановна стала вовсе уже ручною и уже не дичилась болѣе, шла на зовъ, и до совершенства изучила всю нашу жизнь, наблюдая ее тихонько, незамѣтно, изъ-подъ дивана.

Какъ-то разъ Афанасію, несмотря на полярную ночь, удалось на морской полянѣ застрѣлить бѣлаго чистика, нашу единственную зимующую птичку. Нужно было видѣть восторгъ этого хищнаго звѣрька, когда Афанасій поднесъ Лизаветѣ Ивановнѣ этотъ рыцарскій подарокъ. Разумѣется, мы сдѣлали видъ, что

не видимъ ничего уже болѣе, и лисичка живо схватила этотъ бездыханный трупъ и унесла его, что-то про себя такъ мурлыкая, подъ кровать, гдѣ она обычно уничтожала свою пищу. Черезъ полчаса мы застали ее тамъ въ самомъ равнодушномъ настроеніи духа, какъ будто ровно ничего этого не было, и около плутовки нашей валялся только одинъ пушокъ и перышки, какъ горькія воспоминанія объ этой маленькой полярной птичкѣ.

— Однако, Лизавета Ивановна!..—только по поводу этого прошепталъ нашъ Мишка.

Но Лизавета Ивановна только облизывала своимъ маленькимъ краснымъ язычкомъ свои усы, какъ бы погружаясь въ какую-то дремоту послѣ обѣда.

Въ другой разъ Мишка, отправляясь за прѣсной водой на озеро замерзшее, принесъ ей неожиданно живого гольца,—озерную мелкую рыбку.

Лизавета Ивановна даже не вѣрила глазамъ, видя это лакомство, которымъ мы были богаты, и съ той поры даже, казалось, ожидала нашего повара, когда онъ возвращался съ кадкою воды, встрѣчая его у самага порога.

Словомъ, это было прелюбопытное созданіе въ мягкой мохнатой шкуркѣ, которое рѣшительно знало уже нашу жизнь, изучило ее въ комнатѣ, и словно скучало даже о насъ, когда мы удалялись въ экскурсію или на охоту. И порой, вечеромъ, когда всѣ мы были въ сборѣ, можно было умиляться картиною, идилліей, которая представлялась взорамъ наблюдателя, когда мы возились на полу съ этимъ звѣрькомъ, играя съ нимъ, какъ съ собачкою бѣлой или кошкой.

Мы притворялись мертвыми—и она тревожно обнюхивала насъ, ходила по нашимъ тушамъ своими нѣжными лапками и трогала насъ зубами за руки и ноги. Мы брали ее, поднимали надъ собой, она, словно ребенокъ, смѣялась надъ нашими шутками, ровно ничего не опасаясь дурного. Мы пугали ее собаками, лаяли на нее голосами ихъ, ворчаніемъ,—она отбѣгала отъ насъ и издавала сердитый свой голосъ. Мы свистѣли голосомъ бѣднаго замерзшаго чистика,—она настораживала уши свои, предвкушая эту лакомую добычу. Мы пищали мышинимъ образомъ, закрываясь рукой, она бросалась въ тотъ уголь, въ другой, какъ бы подстерегая эту добычу...

Сонливая, лѣнивая днемъ, она вечеромъ дѣлалась совершенно неузнаваемой: бѣгала по комнатамъ, обнюхивала все и, словно, видя уже мышку, скрадывала ее, дѣлая громадный скачекъ вверхъ, заставляя собой любоваться, и сразу всѣми четырьмя лапками обрушивалась на какой-нибудь маленькій предметъ и играла съ нимъ, каталась по полу, представляя забавную картину. А то вдругъ дѣлалась серьезною, сторожила уши свои, прикидывалась, какъ бы видя уже враговъ, ворчала на воображаемую опасность свою, и вдругъ бросалась въ бѣгство кругомъ комнаты такъ, что только стучали наши столы и стулья...

— Лизавета Ивановна! Лизавета Ивановна!—кричалъ ей Мишка нашъ, покатываясь отъ хохота, видя ея распущенный хвостъ, ея скорчившуюся отъ страха будто-бы фигурочку, и мы хохотали надъ этой разыгравшейся, молоденькой еще лисичкою такимъ образомъ, что даже поднимались на дворъ отъ шума нашего мирно-лежащія псы, и начинали вторить намъ своими голосами.

— Ну, Лизавета Ивановна!—только говорили мои матросы, нахохотавшись досыта, и полярная ночь, длинный вечеръ зимній и скучный безъ занятій проходили незамѣтно.

А когда наступала ночь, когда мы ложились въ кровати свои, Лизавета Ивановна словно только этого и дожидалась. Она отправлялась тогда въ настоящую экскурсію по всѣмъ нашимъ комнаткамъ, куда не заглядывала днемъ, повидимому, отъ страха; обнюхивала сковороды Мишки-повара, облизывала ихъ старательно, скакала на полку къ нему, роняла тамъ что-нибудь, приподнимая матросовъ отъ страха съ кроватей. Всѣ вскакивали отъ неожиданнаго крушенія, послѣшно добывали огонь, воображая, что къ намъ лѣзетъ бѣлый медвѣдь, поднимали шумъ неожиданный, и Лизавета Ивановна спрыгивала неожиданно имъ чуть не на голову съ полочки и неслась въ свое убѣжище галопомъ.

— Ахъ, чтобъ тебя розорвало!..—ругались матросы, разбуженные, и среди ночи поднимался такой хохотъ дружный у нихъ, что даже я приходилъ разузнать ихъ ночныя новости, чтобы посмѣяться.

* * *

Но больше всего Лизавета Ивановна, разумѣется, прокудила въ моемъ кабинетѣ ночами, то что-нибудь стащивъ со стола, чтобы потомъ заняться этимъ самымъ основательнымъ образомъ при помощи острыхъ зубковъ, или просто начавши какъ-то непонятную игру, какъ ребенокъ съ мячикомъ, въ стѣнку.

Что это была за игра, чѣмъ было можно ее объяснить, я рѣшительно терялся, а Лизавета Ивановна, выбравъ какую-нибудь стѣнку свободную, прыгала и прыгала на нее безконечное число разъ, такъ, что даже становилось тошно. Добывался огонь, я присматривался къ шалунѣ этой самымъ внимательнымъ образомъ, но она при огнѣ тотчасъ же игру эту прекращала. Но стоило только задуть мой огонь, какъ снова продолжалось то же самое безконечное число разъ, и на другое утро на стѣнкѣ обоевъ какъ не бывало. Все было содрано въ этомъ мѣстѣ шалуньею и на полу только валялись однѣ бумажки.

— Нехорошо, нехорошо, Лизавета Ивановна!—являлся утромъ Мишка съ своимъ вѣникомъ, чтобы подмести мою комнату; но Лизавета Ивановна уже давно уходилась и спала блаженнымъ образомъ, даже не подозрѣвая, что она намъ досадила. Не знаю почему, но она зачѣмъ-то очень интересовалась моими письменными занятіями и, когда я писалъ, сидя за своимъ занятнымъ столомъ, свои рукописи, она тихонько заглядывала ко мнѣ на столъ съ диванчика мягкаго, и даже не разъ пробовала туда подняться и вспрыгнуть. Но я всегда ее на этомъ поползновеніи останавливалъ, урезонивая ее, что мѣшать занятіямъ, по крайней мѣрѣ, неприлично. Но стоило мнѣ прервать хотя на минуту свои занятія, и уйти изъ комнаты, я былъ увѣренъ, что она уже тамъ, на столѣ, и обнюхиваетъ все старательнымъ образомъ отъ пера до самыхъ чернилъ, заинтересованная моею работой. Однажды я ее перехитрилъ и засталъ ее на самомъ мѣстѣ преступленія. Лизаветѣ Ивановнѣ такъ стало, видимо, совѣстно, что она даже не поторопилась спрыгнуть со стола, а опустилась на него самымъ такимъ какъ будто извинительнымъ образомъ, а когда я подошелъ и хотѣлъ ее взять, даже легла прямо на чернила своимъ бокомъ. Разумѣется, чернила оказались при этомъ пролитыми, рукопись моя вся залитой чернилами, а у Лизаветы Ивановны оказался бокъ въ чернилахъ. Пришлось крикнуть Мишку самымъ послѣшнимъ образомъ, и мы осторожно сняли со стола шалунью нашу любимую, чтобы она не разбрызгала всѣ наши чернила.

Бокъ ея весь сталъ фіолетовымъ, а хвостъ, которымъ она старательно виляла при этомъ случаѣ, какъ будто въ видѣ извиненія, оказался въ пятнахъ.

Пришлось спѣшно устроить ванную Лизаветѣ Ивановнѣ, но изъ ванной этой, какъ мы ни старались съ Мишкой, Лизавета Ивановна вышла уже не бѣлою, а какою-то блѣдно-фіолетовою, хотя мы не жалѣли мыла.

По этому поводу матросы говорили Лизаветѣ Ивановнѣ въ утѣшеніе: — Пойдите, Лизавета Ивановна, скоро будетъ Пасха красная, будемъ красить яйца, мы вамъ перекрасимъ вашъ костюмъ въ совершенно красный.

* * *

Дѣйствительно, приближалась Пасха, Мишка уже проектировалъ выкрасить яичко Лизаветѣ Ивановнѣ въ фуксинѣ своемъ; но случилось нѣчто неожиданное, чего мы ровно никакъ не ожидали.

Убирая къ Пасхѣ комнаты, мы какъ-то неосторожно оставили одно окно немного незапертымъ, Лизавета Ивановна воспользовалась этой нашей оплошностью и какъ-то отворила его въ наше отсутствіе изъ комнаты и, пользуясь полной тишиной на улицѣ, выпрыгнула изъ окна, и пустилась на заливъ къ своимъ горамъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Тявкнула одна собака, тявкнула неожиданно другая, третья, четвертая и, когда мы выскочили на улицу, лисичка уже неслась по заливу снѣжному, вытянувши всѣхъ нашихъ собакъ за собою, какъ будто говоря: ну-ка потягаемся!

— Лизавета Ивановна! Лизавета Ивановна!—кричалъ нашъ Мишка раздрающимъ голосомъ, но Лизавета Ивановна даже не оглядывалась на насъ, такъ была занята этой жаркой, горячей погоней. Она, какъ клубокъ, скакала со льдинки на льдинку, несясь по заливу снѣжному, она, какъ голубая точка, таяла на нашихъ глазахъ далѣе и далѣе, наши псы давно уже отстали отъ нея и растерялись окончательно, когда она еще одинъ разъ показалась на секунду, вспрыгнувъ на сугробъ, чтобы скрыться отъ насъ уже навѣки.

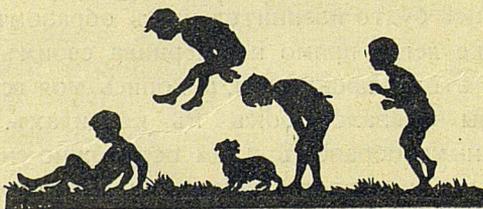
Мы долго, помню, тогда стояли на крылечкѣ и на берегу; но Лизаветы Ивановны больше уже не видали. Она благополучно ушла въ горы свои бѣло-снѣжныя и, вѣроятно, только тамъ, оттуда слыша лай нашихъ собакъ, вспоминала о нашемъ гостепріимствѣ.

Мы не жалѣли очень объ Лизаветѣ Ивановнѣ, но намъ досадно было, что она насъ жестоко надула.

— Хоть бы провела съ нами праздничекъ,—говорилъ уныло Мишка:—какъ бы я угостилъ ее на прощанье. Нѣтъ, не дождалась и праздника и красного яичка!

Что думала Лизавета Ивановна о насъ—неизвѣстно. Но мы были увѣрены, что она, вѣроятно, охотно вспоминала особенно наши куриныя яйца которыхъ она убавила у насъ таки изрядно.

К. Носиловъ.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МАМЫ.
М. ЛЕВИСЪ.

МАРШЪ.

изъ оперы „Волшебная флейта“ Моцарта.

ФОРТЕПИАНО.

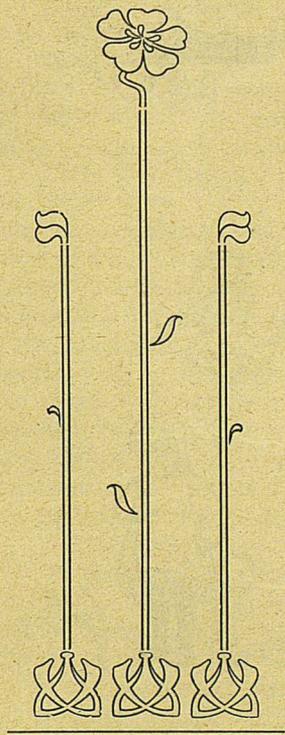
Плавно, спокойно.

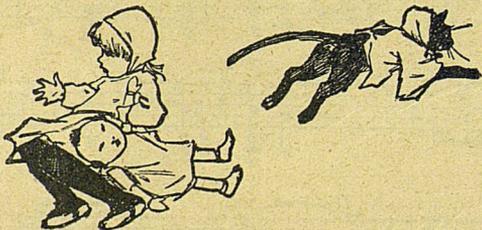
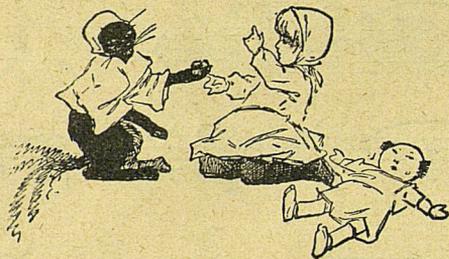
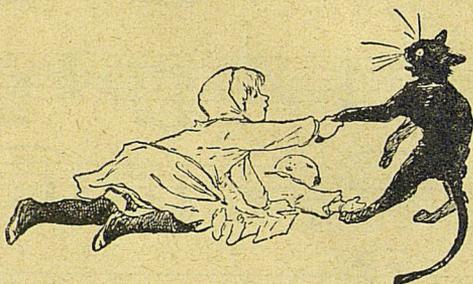
Вольфгангъ Моцартъ,

Знаменитый композиторъ.

Родился въ 1756 г., скончался въ
1791 г.

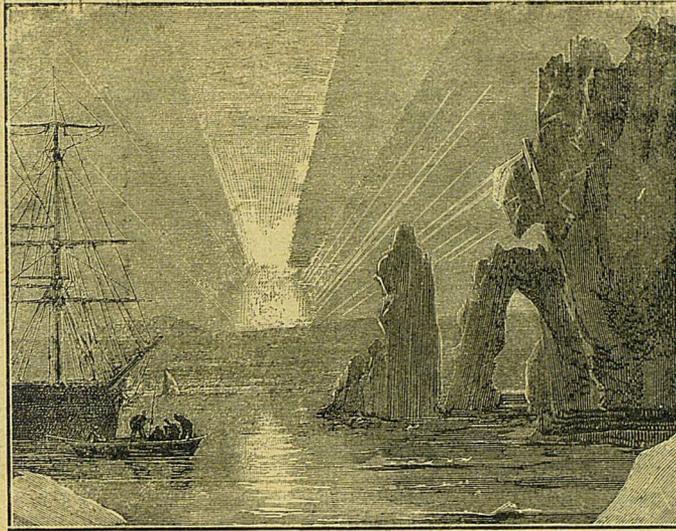

Веселая страничка.

Ряженный котикъ.

(Сцена безъ словъ).

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ.

Полуночное солнце.

По мѣрѣ того, какъ подвигаешься на сѣверѣ, холодъ становится все сильнѣе и сильнѣе, и замерзшее море препятствуетъ кораблямъ продолжать путь свой.

Ни одна полярная экспедиція не была до сихъ поръ въ состояніи достигъ полюсовъ, вслѣдствіе страшныхъ льдинъ, то въ стоячемъ положеніи; загромождающихъ путь, то въ плавающемъ видѣ разбивающихъ самые крѣпкіе корабли.

Въ этихъ мерзлыхъ дебряхъ человѣкъ, пожалуй, можетъ еще безнаказанно бороться съ холодомъ и даже съ постоянными опасностями, встрѣчаемыми имъ на каждомъ шагу; но что ему не подѣ силу превозмочь—это постоянный мракъ; продолжающійся тамъ цѣлое полугодіе.

Въ нѣкоторыхъ странахъ земного шара дни равняются ночамъ, несмотря на времена года. Страны эти расположены вдоль экватора;—и въ нихъ-то болѣе всего распространено поклоненіе солнцу. Прежніе жители Индіи считали бога Суріа,—то-есть солнце, выше всѣхъ прочихъ божествъ. Въ Перу, Патшакамакъ, высшее божество олицетворяется солнцемъ. Инкасы, жители Перу, до покоренія ея испанцами, считали себя потомками солнца, и устроили празднества въ честь его. Четыре раза въ годъ, цѣлая процессія, во главѣ которой былъ самъ императоръ, ожидала восхода солнца. Въ ту самую минуту, какъ загоралась заря предъ появленіемъ небснаго свѣтила, они бросались на колѣни, зывая къ солнцу и называя его отцомъ и божествомъ своимъ, и начинали свои жертвоприношенія. Сжигались сердца и кровь овечья на громадномъ кострѣ, разводимомъ верховнымъ жрецомъ посредствомъ бумажной нитки, положенной въ зеркальную плоску, которую тотъ постоянно имѣлъ при себѣ.

Шестимѣсячная ночь начинается 23 сентября. Не только на людей, но и на животныхъ производитъ сильное впечатлѣніе эта продолжительная темнота. Собаки, привезенныя туда докторомъ Елиза Каноль, не могли вынести этой страшной темноты, — они взбѣсались и издохли. Предполагали сперва, что пѣтухъ, перевезенный въ тѣ страны, станетъ также аккуратно кричать въ извѣстные часы; но англійскій путешественникъ, лордъ Дофферигъ, доказалъ на мѣстѣ несостоятельность такого предположенія; по мѣрѣ того, какъ ночи стали удлиняться при приближенія его къ Шпицбергену, пѣтухъ, взятый

имъ съ собой, приходилъ все въ большее волненіе. Онъ не могъ заснуть и пяти минутъ сряду, будто опасаясь пропустить опредѣленный часъ для своего пѣнія. Когда же наступила постоянная ночь, весь организмъ птицы былъ окончательно потрясенъ. Разъ или два онъ попробовалъ было крикнуть, за симъ напало на него какое-то безпокойство, онъ слетѣлъ съ палубы и утонулъ въ морѣ.

Лишне было бы толковать, съ какимъ восторгомъ жители полярныхъ странъ встрѣчаютъ возвращеніе солнца послѣ шестимѣсячнаго его отсутствія. Для лучшаго представленія ощущеній этихъ приведемъ слова лейтенантовъ Пейера и Вейпрехта, когда послѣ продолжительнаго срока, они, въ февралѣ 1873 года, впервые увидали небесное свѣтило.

«Какъ нѣкогда ассириане съ береговъ цвѣтущаго Евфрата, мы ожидали появленія лучезарнаго божества съ вершины мачтъ и ледяныхъ горъ. Озарившая горизонтъ свѣтлая полоса предвозвѣстила намъ торжественную минуту,—а за нею слѣдомъ выкатилось солнце, окрашенное пурпуровымъ ореоломъ. Всѣ хранили глубокое молчаніе. И какія слова, какія восклицанія были бы въ силахъ изобразить восторженное возбужденіе сердець нашихъ! Словно въ нерѣшимости, медленно поднималось небесное свѣтило, какъ бы давая чувствовать жителямъ земли все ихъ недостойнство наслаждаться его лицезрѣніемъ.

Водяные колоссы, подобно сфинксамъ, розовѣли отъ этого внезапнаго освѣщенія. Отъ строгихъ скалъ и зубчатыхъ массъ ледяныхъ горъ потянулись длинныя тѣни на бѣлую плоскость снѣга, и его розоватымъ отцвѣтомъ покрылся неприглядный полярный ландшафтъ... Но вдругъ, такъ несказанно обрадовавшее насъ небесное свѣтило—померкло:—мрачная тѣнь охватила природу,—и на темномъ небосклонѣ показались звѣзды со своимъ дрожащимъ свѣтомъ...

Съ того самаго времени, какъ впервые солнце появилось на горизонтѣ, оно съ каждымъ днемъ оставалось на немъ все дольше и дольше. Съ марта день въ полярныхъ странахъ равняется ночи; затѣмъ, день все увеличивается и увеличивается, и наконецъ солнце совсѣмъ перестаетъ закатываться, и имъ постоянно можно любоваться, конечно, если его не заволакиваютъ облака. Въ полночь оно тоже красуется на небосклонѣ, съ тою только разницею, что тогда оно спускается ниже къ горизонту и затѣмъ, къ утру внезапно поднимается выше;—такъ что, въ одно время, присутствуешь при его закатѣ и восходѣ».

Путешественникъ Галь такъ описываетъ входъ корабля ихъ въ бухту Мельвилля, открытую капитаномъ Парри.

«Въ то самое мгновеніе, какъ колоколь пробилъ двѣнадцать ударовъ, глазамъ нашимъ представилась тупая вершина «Чортова пальца», освѣщенная полуночнымъ солнцемъ. Дивная картина эта никогда не изгладится изъ моей памяти! Прямо передъ нами стояло солнце, готовое окунуться въ дремлющія воды океана; ледники окружающей мѣстности казались покрытыми мириадами блесковъ отъ падающихъ на нихъ горизонтальныхъ лучей небснаго свѣтила. Надъ самой бухтою ледяныя громады поднимались изъ воды, и своими вершинами упирались въ лиловато-дымчатую полосу, стелящуюся по золотистому фону, между тѣмъ, какъ алебастровые уступы ихъ отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ цвѣта радуги.

Берега мыса, вѣками изрытые водянымъ прибоемъ, какъ бы разукрасились въ серебристо-алый нарядъ; а тамъ, вдали, озаренная блестящимъ свѣтомъ, возвышалась глава «Чортова пальца», этой величественной колонны, воздвигнутой природой среди ледниковъ, на подобіе гигантской колокольни какого-то невѣдомаго, фантастическаго селенія?

Такія явленія происходятъ и у южнаго полюса, только происходятъ онѣ не въ одно и то же время. Южные полярные дни соотвѣтствуютъ сѣвернымъ ночамъ,—и наоборотъ. Когда полярное солнце освѣщаетъ арктическія моря,—антарктическія погружены во мракъ.

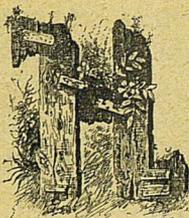
Впрочемъ, мрачное однообразіе полярныхъ ночей часто нарушается дивными метеорами, озаряющими на мгновеніе темные уголки земли».

Роллинъ.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Индійскіе факиры.

Никто на свѣтѣ не умѣетъ перенести человѣка въ міръ чудесъ, какъ индійскій факиръ. Надъ его фокусами можно смѣяться и недовѣрчиво пожимать плечами, но фактъ остается фактомъ, и до сихъ поръ ни одинъ изъ европейскихъ фокусниковъ или ученыхъ не сумѣлъ сдѣлать того, что показываетъ индійскій факиръ. Объясняютъ всѣ ихъ продѣлки ни чѣмъ инымъ, какъ гипнозомъ толпы. По крайней мѣрѣ, фотографическія пластинки ровно ничего не подтверждаютъ изъ того, что видитъ глазъ. А глазъ видитъ зачастую вещи, далеко необычныя.

Вотъ, напримѣръ, картина, которую нерѣдко можно наблюдать въ любомъ индусскомъ городкѣ. Вокругъ какого-нибудь маленькаго, худошаваго индуса собирается большая толпа народа. Маленькій человѣчекъ испускаетъ пронзительный свистъ и бросаетъ что-то въ воздухъ, что каждый принимаетъ за веревку. Всѣ думаютъ, что веревка сейчасъ полетитъ обратно на землю. Однако, ожиданія народа не оправдываются. Веревка все летитъ вверхъ и, наконецъ, кажется какъ бы повиснувшей съ неба. Факиръ ударяетъ въ ладони, издаетъ второй свистъ. Точно изъ-подъ земли передъ нимъ появляется мальчикъ. Факиръ хватаетъ его и подкидываетъ по направленію къ веревкѣ.

Зрители, затаивъ дыханіе, смотрятъ, что будетъ, и видятъ, какъ мальчикъ, ухватившись за веревку, быстро взбирается по ней до облаковъ и пропадаетъ изъ глазъ. Спустя мгновеніе, за нимъ туда же направляется факиръ. Вдругъ всѣ слышатъ и видятъ, какъ изъ облаковъ летятъ на землю куски тѣла мальчика, ударяющіеся съ глухимъ звукомъ о твердый грунтъ. Затѣмъ появляется факиръ. Сперва онъ кажется чуть видимой точкой, но постепенно, спускаясь по веревкѣ, все увеличивается и, наконецъ, ступаетъ на землю. Онъ подходит къ разбившемуся мальчику, собираетъ части его тѣла и черезъ какую-нибудь минуту тотъ снова бѣгаетъ уже вокругъ факира, а потомъ такъ же неожиданно, какъ появился, исчезаетъ.

Этотъ одинъ изъ излюбленныхъ фокусовъ факировъ европейскіе офицеры и другіе туристы описывали не разъ. Офицеры одного изъ военныхъ англійскихъ судовъ рассказываютъ, между прочимъ, такой случай. Судно ихъ, перейдя тысячу миль, бросило, наконецъ, якорь въ одной изъ остъ-индскихъ гаваней. Едва они остановились, какъ къ нимъ вплавь добрался факиръ и по якорной цѣпи взлѣзъ на палубу. Сперва онъ взялъ изъ рукъ одного изъ офицеровъ кокосовый орѣхъ, изъ котораго на палубу вылилось двѣнадцать ведеръ воды.

Затѣмъ изъ кухни принесено было большое глиняное блюдо. Факиръ налилъ туда галлонъ воды и, поставивъ блюдо къ себѣ на лѣвую руку, правую поднесъ ко лбу. Въ то время, какъ офицеры удивленно смотрѣли на факира, блюдо становилось все меньше и меньше, и, наконецъ, совершенно исчезло. Пока офицеры еще стояли, не зная, что подумать о фокусѣ, передъ ихъ глазами снова появился маленькій предметъ, который съ каждой минутой становился все больше и превратился затѣмъ въ блюдо.

При этомъ изъ него не пролилось ни одной капли воды.

Еще замѣчательнѣе былъ другой фокусъ того же самаго факира. Когда онъ поднялся изъ моря на корабль, то снялъ съ шеи платокъ, который надѣтъ былъ тамъ, повидимому, единственно, для того, чтобы онъ намокъ. Этотъ платокъ онъ показалъ всѣмъ присутствующимъ, чтобы они могли убѣдиться, что въ немъ нѣтъ ничего секретнаго. Это, дѣйствительно, былъ самый обыкновенный платокъ изъ какой-то красной ткани. Факиръ разостлалъ его на полу и обошелъ нѣсколько разъ кругомъ, шепча при этомъ какія-то непонятныя слова и поднимая по временамъ глаза къ небу. Взоры всѣхъ устремились на платокъ, въ которомъ теперь что-то было.

Черезъ минуту изъ-подъ платка вдругъ выскочила небольшая живая обезьянка, а еще черезъ минуту оттуда выползла отвратительная страшная кобра и, шипя, направилась къ присутствующимъ. Потомъ платокъ опять сталъ расти и на этотъ разъ надувался гораздо больше, чѣмъ въ два предыдущихъ раза. Вскорѣ изъ подъ него вышла дѣвочка приблизительно лѣтъ четырнадцати, привѣтливо улыбающаяся всѣмъ зрителямъ. Еще моряки стояли и щипали сами себя, чтобы удостовѣриться, что они не спятъ, какъ факиръ ударилъ въ ладони и черезъ секунду кобра, обезьянка и дѣвочка исчезли въ воздухѣ. Затѣмъ факиръ схватилъ съ земли свой платокъ и, не спрося никакого вознагражденія за свои труды, легко и граціозно поплылъ обратно къ берегу.

Нѣкоторые объясняютъ всѣ эти фокусы тѣмъ, что многіе факиры подолгу живутъ въ джунгляхъ, гдѣ, ведя созерцательный образъ жизни, достигаютъ способности передавать свои мысли и представленія окружающимъ ихъ лицамъ. Отъ гипнотизма этотъ даръ или эта способность отличается тѣмъ, что факиръ можетъ подчинять своему вліянію, даже не прибѣгая къ усыпленію, не одно лицо, а нѣсколько, и состоитъ, по мнѣнію ученыхъ, въ томъ, что человѣкъ, создавъ у себя въ мозгу представленіе о какомъ-нибудь предметѣ, можетъ заставить и окружающихъ видѣть его. Но для этого прежде всего нужно добиться способности сосредоточивать исключительнымъ образомъ свою мысль, европейцы же никогда не могутъ такъ сконцентрировать свою мысль, какъ индійскіе факиры.

Игры и забавы.

Что можно сделать из тыквы.

Вы любите тыкву? Осенью, когда она поспевает, из нея готовят вкусные кушанья, но здесь мы будем говорить не о кушаньях, а о том, какие игрушки можно получить из тыквы, которая своей яркой красивой наружностью всегда служит лучшим украшением огорода.

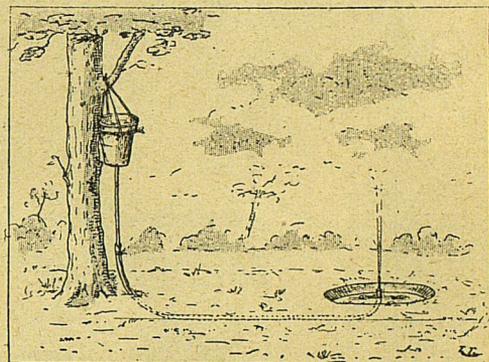
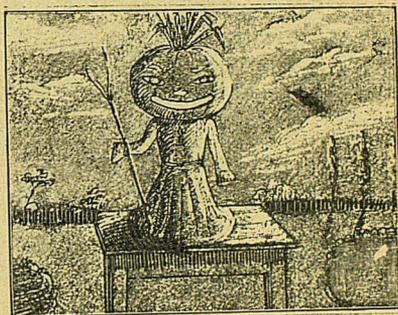
1) Прежде всего из тыквы надо вынуть семена. Затем сделать снизу отверстие и осторожно ножичком удалить всю внутренность, получится прекрасный головной убор, годный для тех, кто играет в «короли», такому королю следует еще накинуть на плечи красную шаль, взять в руки вместо скипетра длинную палку, на которой надто яблоко и фруктовый король готов.

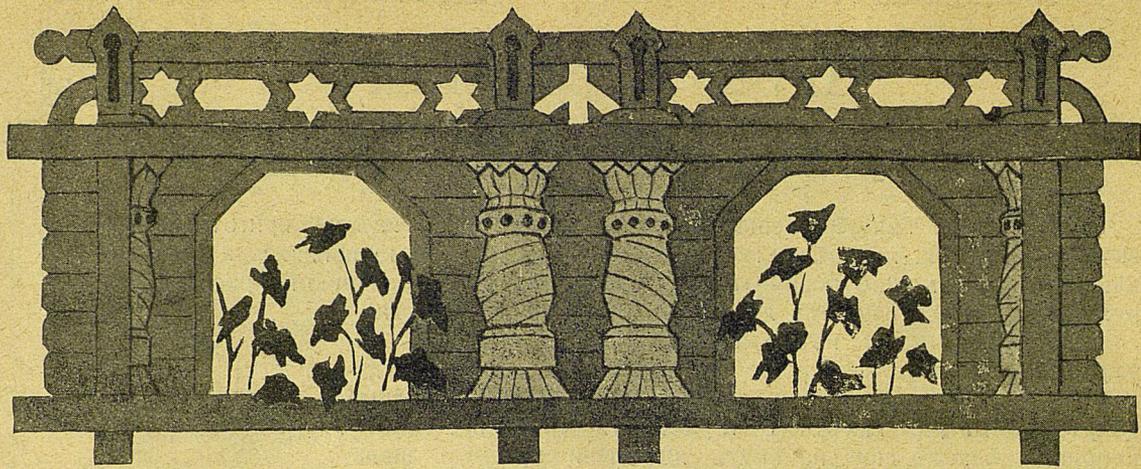
Поиграв таким образом, можно ножичком прорезать в тыкве отверстия, — так, чтобы она стала ажурной, укрепить ее на этой-же палочке и она будет служить прекрасным «японским фонарем», но для этого отверстие должно находиться и наверху, а на дне прикрепляется зажженная свечка.

2) Как только тыква уже служила и головным убором и фонарем, можно вырезать в ней глаза, брови, нос и рот и прикрепить к чучелу, головой которого она и должна быть, вместо волос в нее втыкают пучок зеленых листьев. Можно также поставить на стол цветочный горшок, на него поставить горшок поменьше и зажечь в нем свечу, а наверху укрепить голову из тыквы; горшки прикрыть кукольным платьем. Лицо этого чучела будет светиться в темноте и произведет большой эффект на непосвященных в тайну.

3) Но интереснее всего забава, которую можно устроить с помощью стебля, на котором тыква растет. Дело в том, что стебель этот пустой внутри и поэтому легко сделать из нескольких стеблей одну длинную непрерывную цепь, вставляя один в другой и благодаря этой цепи можно соорудить настоящий фонтан. На дереве, возможно выше, надо повесить цветочный горшок с отверстием внизу, горшок этот будет служить резервуаром. Затем взять длинную цепь стеблей, скрепленных между собою, прикрепить ее к резервуару и опустить на землю в небольшой канальчик, специально для этого вырытый; когда стебли, замещающие собой водопроводные трубы, будут уже лежать как следует, их надо засыпать землей (чтобы не было стеблей видно), а другой конец стеблей должен быть загнут вверх и выходить в небольшой бассейн (можно даже взять поддонник, но только прежде сделать в нем отверстие, чтобы конец стебля мог свободно пройти сквозь него). Потом следует небольшой пробочкой, а то просто и толстой, плотной травой, заткнуть наверху отверстие.

В горшок, привязанный к дереву, конечно, налить как можно больше воды, затем позвать своих друзей, подойдите к поддоннику и незаметно для них вытащите пробочку и в ту же секунду, ко всеобщему удивлению, из него поднимется великолпный фонтан.

СОДЕРЖАНИЕ.

Выпускъ одиннадцатый.

	Стр.
Мячики. Стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго	334
Полевая гвоздика. Разсказъ Е. В. Туркина	335
Первое страданіе. Разсказъ Вл. К. Измайлова	338
Мятель. Стихотвореніе Б. Богомолова	347
Бѣлая лисичка. Разсказъ К. Носилова	348
Маршъ: изъ оперы «Волшебная флейта» Моцарта. Ноты	357
Ряженный котикъ. Сцена безъ словъ	358
Полуночное солнце. Статья	359
Индійскіе факиры. Очеркъ	361
Что можно сдѣлать изъ тыквы. Игры и забавы	363
Ребусъ	364

КАРТИНЫ ВЪ КРАСКАХЪ: 1) Бѣглець. — П. Зенглера. 2) Въ день рожденія мамы.—М. Левиса.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Ломоносовъ. Жизнь Ломоносова и его стихотворенія.— 2. Шевченко, Т. Г. Избранныя стихотворенія.

РЕБУСЪ.

Б

Е

Р

НО

К

Т

О

Г

О

Т'

Т

У

М

Б

Т

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

ГОДЪ ЦѢННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ.

1914 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

на единственный въ Россіи двухнедѣльный

роскошный, художественно-литературный журналъ

9-й годъ
изданія.

съ галлерей картинъ въ краскахъ, по образцу лучшихъ заграничн. изданій.

Пробужденіе

съ приложеніемъ рѣдкихъ книгъ и цѣнныхъ премій

Стильные цвѣтные орнаменты, рельефное тисненіе, великолѣпныя многокрасочныя рамкинвиньетки украсятъ въ 1914 году многія страницы „ПРОБУЖДЕНІЯ“, а увеличенное количество вклейныхъ картинъ, на паспарту и отдѣльныхъ альбомныхъ листахъ, подъ шелковой прозрачной бумагой, дадутъ возможность подписавшимся имѣть богатую коллекцію репродукцій съ оригиналовъ знаменитыхъ художниковъ, стоимость которыхъ въ продажѣ уже значительно превышаетъ подписную плату, взимаемую редакціей за рѣдкіе по изяществу журналъ съ приложеніемъ книгъ и художественныхъ премій, изъ которыхъ только одна стѣнная картина **CREDO (ВѢРУЮ, ГОСПОДИ)** продается въ художеств. магазинахъ по 20 руб. за экземпляръ.

Подписавшіеся на 1914 годъ получаютъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца)

24

РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА

Художеств.-Литературнаго и научнаго журнала по ОБРАЗЦУ УЧУЩИХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАНІЙ, въ великолѣпныхъ обложкахъ.

70

ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ:

въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, автотипіи, олеографіи и друг.

10

ИЗЯЩНЫХЪ АЛЬМАНАХОВЪ-СБОРНИКОВЪ.

Романы, повѣсти и разсказы извѣстныхъ современныхъ и выдающихся новѣйшихъ русскихъ писателей. Въ отдѣльной продажѣ будутъ продаваться по 1 руб. за экземпляръ.

3

книги собранія сочиненій ШОПЕНГАУЭРА.

съ портретомъ автора.

3

книги собранія сочиненій ВОЛЬТЕРА.

съ портретомъ автора.

3

Иллюстрир. книги К. Байе „ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ“.

Живопись, Скульптура, Архитектура.

3

книги проф. А. РАМБО. ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗ. РЕВОЛЮЦІИ.

Съ картинами рѣдк. парижск. изданій.

2

БОЛЬШИХЪ ТОМА СМѢШНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЦЫ

съ юмористическими картинами и портретами.

Русскихъ и иностранныхъ писателей-юмористовъ

РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРЕМІИ:

Исполненный множествомъ красокъ

АЛЬБОМЪ ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ

извѣстнаго художника Н. КАРДЗИНА

Цѣнный альбомъ, въ великолѣпной папкѣ, сброшюрованный цвѣтной лентой.

Изящное настольное украшеніе

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ

гелиографуръ — фототинто.

На паспарту, въ рельефной, исполненной красками и золотомъ папкѣ.

ДВА РОСКОШНЫХЪ ПАНО ДЛЯ ГОСТИНОЙ:

1. ГИРЛЯНДЫ НАСТУРЦІЙ — 2. КРАСНЫЕ МАКИ

англійскаго художника Сиверса, исполненныя множествомъ красокъ.

Художественное украшеніе кабинета, школы, читальни и библиотекъ. Небывалая премія:

8 БРОНЗИРОВАННЫХЪ БАРЕЛЬЕФОВЪ: Гоголя, Достоевскаго, Лермонтова, Некрасова, Пушкина, Толстого, Тургенева, Щедрина.

Рельефное воспроизведеніе портретовъ на паспарту, превосходящее по изяществу, какъ стѣнное украш., гипсовые и металлическіе барельефы.

Большая стѣнная картина въ краскахъ „CREDO“.

Знаменитаго художника Ф. ЗРИХА.

ВѢРУЮ, ГОСПОДИ!

Размѣръ картины 60×80 с.

Стоимость картины въ художественныхъ магазинахъ 20 рублей.

АБОНЕМЕНТЪ: На годъ (безъ доставки) 7 руб., съ доставкой и пересылкой 8 руб.; на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб. За границу 10 руб.

Редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“. С.-Петербургъ, Невскій пр., 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 избранныхъ произведенийъ дѣтской литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ и прилож. дѣтскихъ книгъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія. Историческіе очерки. Фельетоны для дѣтей. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театръ, лѣпка изъ глины. Дѣтскія работы. Научныя статьи. Игры и забавы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растеній, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія, ботаника для дѣтей. Задачи, шарады, загадки. Странички для родителей и воспитателей.

Подписавшіяся на 1913 г. получаютъ (ежемесячно 1-го числа):

12 иллюстрированныхъ выпусковъ
 Художественно-Литературнаго и Научнаго журнала **ДЛЯ ДѢТЕЙ** въ изящныхъ обложкахъ

12 художественныхъ картинъ, исполненныхъ о о о красками. о о о

12 изящныхъ томиковъ **„МОЯ БИБЛИОТЕЧКА“**: ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ для дѣтей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ портретами авторовъ. Будутъ выданы СОЧИНЕНІЯ: **Аксакова, Жуковского, Кольцова, Лермонтова, Никитина, Толстого, Гоголя, Карамзина, Крылова, Ломоносова, Пушкина, Шевченко.**

4 кн. **„ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕЧКА“**:
 съ смѣшными картинками.
 1. Барабанъ. 3. Ванька-Встанька.
 2. Хлопушка. 4. Ку-ка-ре-ку!

6 кн. **„БИБЛИОТЕЧКА-ИГРУШКА“** дѣтскія игры и развлечения:
 1. Дѣтскій театръ. 4. Игры забавы.
 2. Веселый задачникъ. 5. Живчикъ.
 3. Игрушки-самодѣлки. 6. Дѣтскій спортъ.

8 книжекъ съ картинками для нагляднаго обученія:
 1. О звѣздочкахъ. Маленькая астрономія.
 2. Среди цвѣтовъ. Маленькая ботаника.
 3. Маленькій звѣринецъ.
 4. Мой аквариумъ.
 5. Книжка бабочекъ.
 6. Царство грибовъ.
 7. Коллекція монетъ.
 8. Книжка рисованія.

Годовые подписчики получаютъ съ первымъ № журнала роскошную стѣнную картину въ краскахъ, на паспарту, Знаменитаго русск. художника **В. МАКОВСКАГО**, **ДѢТСКАЯ ГОЛОВКА** Работы поставщиковъ Двора Е. И. Величества, Голицы и Вильборгъ.

Журналъ издается редакціей журнала **„Пробужденіе“**.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересыской 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. За гран. 7 р.
 Редакція журн. **„ЖАВОРОНОКЪ“**, Спб., Невскій, 114.
 Редакторъ-Издатель **Н. В. Корецкій**.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 40 коп.